ПЕРВАЯ ПРОДУКЦИЯ

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

Об уборочной страде см. 4—5 стр.

КРОКОДИЛ

№ 25 • СЕНТЯБРЬ 1972

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»

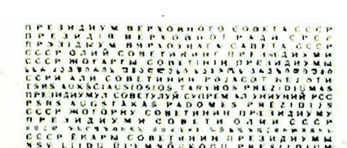
Центральный Комитет КПСС сердечно поздравляет редакцию журнала «Крокодил», его авторов, корреспондентов и миллионы читателей с 50-летием со дня выхода первого номера журнала. Созданный партией как журнал политической сатиры и юмора, «Крокодил» активно пропагандировал на своих страницах пролетарскую идеологию, непримиримо боролся против недостатков и упущений в хозяйственной и культурной жизни и быстро завоевал популярность в широких кругах читателей. Уже в первые годы своего существования «Крокодил», как и другие органы большевистской печати, стал журналом для масс и журналом масс, острым оружием партийной критики и самокритики.

Ныне журнал «Крокодил», как и прежде, служит верным помощником партии в воспитании трудящихся в духе коммунистической морали, мобилизует читателей на выполнение задач, поставленных XXIV съездом КПСС; средствами сатиры и юмора ведет борьбу с пережитками прошлого в сознании людей. Художники и фельетонисты журнала разоблачают враждебную трудящимся империалистическую политику и пропаганду, активно выступают за мир и дружбу, за дальнейшую разрядку международной напряженности. Следуя лучшим литературным и художественным традициям советской печати, журнал вносит значительный вклад в развитие сатирического жанра советской литературы и изобразительного искусства.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза желает журналу «Крокодил», его авторскому активу новых творческих успехов в деле коммунистического воспитания трудящихся.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

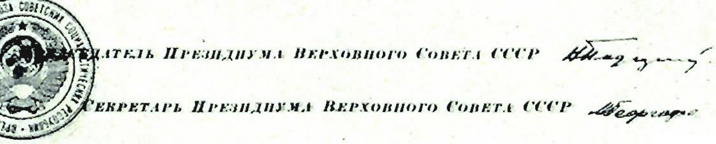

ГРАМОТА

Президиум Верховного Совета
Союза Советских Социалистических Республик

за заслуги в деле мобилизации трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов, плодотворную работу по воспитанию советских людей в духе коммунистической морали, за развитие сатирического жанра литературы и изобразительного искусства Указом от 25 августа 1972 года наградил журнал „Крокодил"

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

...атель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва. Кремль. 25 августа 1972 г.

ДЕЛА ЮБИЛЕЙНЫЕ

Перед тем как отметить юбилей старейшего юмористического журнала, в Москве собрались редакторы и главные художники сатирических журналов союзных и автономных республик. Состоялся творческий семинар, на котором обсуждались наиболее животрепещущие вопросы и проблемы развития фельетона и карикатуры. Своим опытом, мыслями и наблюдениями поделились участники семинара — главные редакторы журналов «Вожык» Романов А. Д., «Кирпи» Аббасов С. А., «Чаян» Яхин А. Г. «Муштум» Рахим И., «Шлуота» Булота Ю. Ю. Кроме того, с докладами и сообщениями выступили московские сатирики М. Г. Семенов, И. М. Шатуновский, Е. П. Дубровин, В. Е. Ардов, Б. А. Егоров, художники В. Н. Горяев, А. П. Крылов, Л. С. Самойлов, Б. А. Старчиков. Многие проблемы, касающиеся фельетона, его оснастки, вооружения, а также чрезвычайно важный вопрос оформления юмористических журналов были подвергнуты тщательному исследованию и обсуждению на журналистском семинаре. В заключение на нем выступил заведующий сектором журналов отдела пропаганды ЦК КПСС тов. И. П. Кириченко. Участники семинара были приняты в отделе пропаганды ЦК КПСС.

После окончания семинара, а именно в субботу 26 августа, состоялся вернисаж крокодильской выставки. На Кузнецком мосту в выставочном зале Дома художников открылась выставка «Крокодила». Здесь во многих залах собраны работы знаменитой крокодильской плеяды художников — от мастеров старшего поколения, начинавших журнал в двадцатые годы, и до талантливой молодежи, питающей своими темами и остроумными рисунками журнал сейчас. На вернисаже, который открыл Б. Е. Ефимов, выступили секретарь правления Союза художников СССР тов. Л. И. Каратеев, представитель Союза журналистов СССР, народный художник РСФСР А. Н. Яр-Кравченко, американский художник Антон Рефрежье, известный художник-график В. Н. Горяев, наш гость из Франции художник Жан Эффель и другие.

А самое большое торжество состоялось 28 августа в Колонном зале Дома союзов. «Крокодилу» за его заслуги был вручен орден Трудового Красного Знамени. Многочисленная аудитория горячо аплодировала моменту, когда почетный орден прикреплялся к знамени журнала.

БОЛЬШАЯ РОДНЯ КРОКОДИЛА

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Матчанов вручает орден коллективу редакции.

Фото А. УСТИНОВА

Страда деревенская

МЕЖ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ РАСТЕРЯЛИСЯ...

Хороши хлеба в Каркарале! Тяжелые колосья гнутся к земле, будто кланяются товарищу Касымжанову. Да и кому же кланяться, как не ему, начальнику райсельхозуправления! И товарищу Ахманову надо поклониться, главному агроному этого же управления.

Но земные поклоны зрелых колосьев не радуют ни Еркена Касымжанова, ни Мурата Ахманова. Наоборот, им даже неприятно это хлебное изобилие. Действительно, чему тут радоваться? Урожай невпроворот, а вот убирать как?

В прошлые годы всякое бывало. То засуха, то град. А то жара или мороз. И очень даже удобно: не успеешь убрать — вали все на стихийные бедствия, на природу-матушку. Ведь здесь даже такую спасительную формулу придумали для своих земель: «зона рискованного земледелия».

А в этом году — ни мороза, ни засухи. И хоть бы какой паршивенький, меленький град выпал! Ничего! И что придется отвечать на вопрос: почему не убрали вовремя хлеб?

— В районе 519 зерноуборочных машин,— прикидывает Еркен Касымжанов.— Если бы даже они все до единой работали, да если бы хватало механизаторов — и то на уборку целый месяц нужно бы ухлопать по нынешнему урожаю. Но это при полной готовности. А на деле почти половина машин «больна», да и вывести ее в поле некому...

Совхоз имени Фрунзе. У мастерской цугом стоят семь комбайнов. Вид у них — унеси ты мое горе, один другого плачевнее.

— Уж больно заплатки-то ненадежные: бумага!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Запиши в отчет: сенокосилки вышли в поле.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Нужна длительная «госпитализация».

А что делается на токах? Тоже ура не закричишь: ни один толком не готов к приемке зерна. Директор совхоза Хаким Абсалямов докладывает:

— Из шестнадцати зернопогрузчиков уже готовы к работе... четыре!

Не маловато ли?

Совхоз «Киргизия». Здесь вроде бы и не подозревали о том, что настанет пора жатвы. А, может быть, надеялись, что хлеб явится в закрома на соломенных ножках самоходом, без всякой помощи человека. Уборочные машины в полном развале. Запчастей нет совсем. Почему же? Да потому, что «Киргизия», как, впрочем, и остальные совхозы района, годовые заявки на запасные части послать не удосужилась. Прямо из головы вон! А теперь в пору бить в набат. Но, во-первых, нет колоколов, а во-вторых, бей не бей, а столько запчастей сразу «Казсельхозтехника» все равно не даст. Получат только те хозяйства, которые не дремали и загодя дали заявки.

А тут еще кадровый вопрос. Ведь как будто старались, человек триста из совхозов района окончили курсы комбайнеров. И учились ребята неплохо. А вот за штурвал не посадишь: не аттестованы. Принять у них экзамены должны были специалисты райсельхозуправления, но вот беда — позабыли за другими важными делами.

— В город! За подмогой! — бросает клич начальник сельхозуправления Еркен Касымжанов. И опрометью мчится в Караганду инженер Зейнулла Омаров. Там он будет рыдающим голосом просить:

— Спасайте! Помогите! Дайте запчасти, дайте машины, дайте комбайнеров, дайте...

А что же рассчитывают получить лично тт. Касымжанов и Ахманов за такую, с позволения сказать, подготовку к уборке урожая?

И. КАЗАНЦЕВ

Каркаралинский район, Карагандинской области, Казахской ССР.

ЛЮДИ ТРУДНОЙ СУДЬБЫ

Рисунок В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ДЕРЕВЬЯ РАСТУТ ЛЕЖА»

Так назывался фельетон Н. Самохвалова, опубликованный в № 15 нашего журнала. В нем шла речь о недостатках в работе директора Ясашинского леспромхоза Свердловской области тов. Ю. Мартина.

Как сообщил в редакцию начальник объединения «Свердлеспром» тов. Д. Пащенко, за невыполнение производственного плана, нарушение трудового законодательства, грубое обращение с рабочими, невнимательное отношение к жилищно-бытовым нуждам трудящихся тов. Ю. Мартину приказом по объединению объявлен выговор. На него также наложено партийное взыскание.

«ЖАЖДА»

О том, как три тысячи человек мучились от нехватки воды в городе Джамбуле (одна-единственная колонка на всю улицу Строительную), рассказывала заметка «Жажда», опубликованная в № 10 «Крокодила».

Заместитель председателя исполкома Джамбулского городского Совета депутатов трудящихся тов. Н. Красносельский сообщил редакции, что факты подтвердились. Управлением «Водоканал» приняты необходимые меры для обеспечения жителей улицы водой. В 1973 году в микрорайоне будет пробурена новая скважина для дополнительной подачи воды.

«КОНСЕРВАТИВНАЯ ЗАКАЗЧИЦА»

В заметке под таким названием («Крокодил», № 16) рассказывалось о том, что на фабрике химчистки города Уральска введен новый способ выведения пятен. Пятно здесь исчезает вместе с вещью. Именно так почистили брюки, сданные жительницей Теректинского района Л. Пустобаевой,— они пропали бесследно.

Как сообщил начальник Уральского облбытуправления тов. У. Альмуханов, брюки были утеряны по вине сотрудницы химчистки Н. Агапкиной, которой пришлось возместить стоимость брюк. За халатность Н. Агапкина понесла наказание — она переведена на другую работу.

«БОЧКА С КОЛБАСОЙ»

На трассе Одесса — Молдавия построено много ресторанов и кафе. Все они имеют, как правило, звучные молдавские названия: «Кодру», «Ярна», «Полобок» и др. Но, к сожалению, во многих из них не найдешь молдавских национальных блюд. Торгуют здесь в основном водкой и колбасой (заметка «Бочка с колбасой», «Крокодил» № 16).

Начальник управления общественного питания Молдавпотребсоюза тов. В. Барладян сообщает, что правлением Оргеевского райпотребсоюза приняты меры к расширению ассортимента молдавских блюд. Заведующему производством ресторана «Бочка» тов. А. Бейгельман объявлен выговор.

«ШИШКОВАТО-МУШКОВАТЫЙ ВОПРОС»

Так назывался фельетон Ю. Борина и А. Травина, опубликованный в № 20 нашего журнала. В фельетоне ставился вопрос о неувязке между ГОСТами текстильной и швейной отраслей.

Мы получили отклики из Министерства легкой промышленности РСФСР и Государственного комитета стандартов СССР.

В Госстандарте СССР состоялось совещание, где обсуждались поставленные в фельетоне вопросы. Союзным министерствам торговли и легкой промышленности совместно с отраслевыми институтами — разработчиками ГОСТов — поручено в течение месяца рассмотреть ГОСТы на сортность тканей и швейных изделий и наметить мероприятия, устраняющие несоответствия между ГОСТами.

Б. БОРИСОВ,
специальный
корреспондент Крокодила

Приятной бдительности!

Орловскому заводу шестерен понадобился новый стрелок сторожевой охраны.

Руководители завода были людьми опытными и практичными. Они знали, какой охранник им нужен. Им нравилась тихая бабуся в хорошо выстиранной гимнастерочке. С утра до вечера будет она сидеть в своем закутке подле проходной, вязать нескончаемый чулок внуку, пить чай да время от времени затевать диалог с проходящими мимо:

— Эй, пропуск е?

— Есть, мамаша, есть.

— А то смотри у меня!

Такую вот скромную на вид, пожилую гражданочку и удалось в конце концов подыскать. Привели ее к воротам двенадцатого цеха, расположенного от основной заводской территории на отшибе, километрах в пяти.

— Вот ваш табурет,— сказали Серафиме Ильиничне Пирожковой.— Вот чайник. Приятной бдительности!

Новая вахтерша присела было на краешек табурета, но тотчас вскочила и принялась показывать свой неуживчивый нрав.

Начать с того, что вздумалось ей проверять пропуска. У всех подряд. Чуть кто приблизится к проходной, Пирожкова требует:

— Прошу предъявить!

Был даже случай — супругу самого начальника цеха В. Романова оскорбила она недоверием, спросив у нее документ.

Узнав об этом, начальник задумчиво вскинул бровь. Он понял, что худшее впереди.

И точно. Уже на другой день начинает Серафима Ильинична задерживать сотрудников, которые несут из ближайшего продмага бутылки с жидкостью, необходимой для смазки технологического процесса. Причем останавливает не только тех, кто движется по большой дуге через весь двор к зданию цеха, но и тех, кто спешит с посудиной в рукаве по малому радиусу — в кабинет начальника.

Узнав об этом, Романов вскидывает вторую бровь. Он теперь отчетливо видит, что проявлено серьезное упущение в деле подбора и расстановки кадров.

А тем временем Пирожкова свирепеет день ото дня. Не стало от нее житья шоферам, выезжающим с территории цеха. На всякий груз требует она сопроводительные бумаги да еще сама норовит влезть на подножку, чтобы бросить в кузов любопытный взгляд.

Вывозит ли, к примеру, диспетчер Воропаев кровельную жесть к себе домой, сигналит ли у ворот частный автомобиль, отремонтированный в цехе приватным образом, просится ли наружу трехтонка, загруженная не то некондиционным, не то неликвидным кирпичом, Пирожкова гнет свое:

— Где пропуск? Не выпущу!

Вынув из кармана указательный палец, Романов втыкает его в телефонный диск и просит на провод начальника заводской охраны Г. Тинькова.

— Слушай,— говорит он.— Я не спорю, вахтер должен быть добросовестным, но ведь не до такой степени! Убери ты эту тетю!

Но Тиньков лишь сочувственно дышит в трубку. Ему и самому ясно, что Пирожкова слишком уж всерьез понимает свои служебные обязанности. Да ведь с такой формулировкой вряд ли удастся ее уволить или хотя бы перевести на другой пост.

И вдруг со стороны проходной доносятся посторонние звуки. И Романов застывает, забыв опустить трубку на рычаг, и светлеет лицом. Он явственно слышит, что Пирожкова ссорится с кем-то из уборщиц... И готов поклясться, что ей это не пройдет даром.

...— Встать! Суд идет.

Впрочем, вставать некому. Дело слушается при наглухо закрытых дверях, и в просторном конференц-зале ни души, кроме самих поссорившихся женщин да трех судей. В обстановке секретности заседает товарищеский суд завода шестерен.

Правда, председатель суда А. Шатохин вроде бы пытается соблюсти некоторые демократические нормы, осведомившись, нет ли у сторон каких-либо ходатайств или отводов. Но тут же выясняется, что сделал он это с хитростью, чтобы поймать на удочку наивную Пирожкову. Стоило ей только заикнуться, что без свидетелей дело бы слушать нежелательно, как суд моментом оштрафовал ее на десятку.

Процесс проходил в обеденный перерыв, и поэтому судьи, опасаясь, как бы не остыло первое, в четверть часика все оформили: «Просить руководство завода и охраны перевести стрелка Пирожкову на другой пост».

За что? За то, что поскандалила с уборщицей? В судебных бумагах — никаких объяснений, никаких мотивов. Серафима Ильинична стоит посреди зала, удивленно моргая глазами, а начальник охраны Тиньков уже диктует машинистке соответствующее распоряжение.

Вот и вся история. Теперь Пирожкова несет службу в тех местах, где она своей придирчивостью никому не досаждает.

А в двенадцатом цехе стало куда спокойнее.

Когда я проходил в ворота, меня окликнули:

— Эй, пропуск е?

— Есть, мамаша, есть.

— А то смотри у меня!

г. Орел.

И. ПАКАЛНС

Забор

Воскресным утром, протискиваясь сквозь переполненный дачный поезд, я натолкнулся на юмориста Лушкавниека.

— Салют и добрый день,— сказал я.— На взморье? Правильно! Погодка как по заказу.

— Эхе-хе,— тяжко вздохнул Лушкавниек и по-черепашьи втянул голову в плечи.

Это было так не похоже на всегда бодрого мастера сатиры и юмора, что я взглянул повнимательней. Нет, все-таки это был он, Лушкавниек. Но в каком виде: усы уныло опущены, под глазами мешки, на щеках и подбородке синела щетина трехдневной давности.

— Что с тобой? — спросил я.— Доктор курить запретил? Дома беда?

Лушкавниек махнул рукой.

— Забор...

— Какой забор?

— На даче.

— Что с ним стряслось?

— Обвалился.

— Ну, не падай духом! — Я сочувственно потрепал Лушкавниека по плечу.— Не принимай забор слишком близко к сердцу.

— Ничего ты не понимаешь,— желчно перебил меня Лушкавниек,— и никогда не поймешь. Наша редакция держит дачу для сотрудников. Ну, вокруг, как водится, забор. А забор, да будет тебе известно, положено красить. Потому как он деревянный. А дерево — это не железобетон, дождь его мочит, короеды грызут, разные грибки в труху превращают... Председатель месткома Тупеситис обещал достать в дачном тресте краску, а остальные обязались выйти на субботник. Собрались. Тупеситис, председатель товарищеского суда Тетерис, долговязый Климкен из бухгалтерии и я. Тупеситис прихватил фляжку спиртного — растворять краску. Ну, приехали... Женщины принялись сгребать прошлогодние листья. Мужчины решительно отправились к забору. Но тут выяснилось, что Тупеситис забыл взять краску. Тут вспомнили, что у нас имеется фляжка со спиртом, которым нечего растворять. Женщины, конечно, возражали, но ты сам понимаешь... И вот эдаким образом мы восемь раз выходили на субботник, и всякий раз у Тупеситиса не было краски, но был спирт...

— Не понимаю, отчего ты скис? Ведь вы отдыхали, веселились и не пачкали рук.

— Я же тебе ясно сказал: забор обвалился. Ветер позавчера его опрокинул.

— Ну?

— Ты еще спрашиваешь! Когда забор лежит на земле, нет возможности его красить!

Только теперь я постиг, какое несчастье обрушилось на Лушкавниека и его друзей. Я молча пожал Лушкавниеку руку и на следующей остановке сошел. Бывают такие моменты, когда самое лучшее — оставить человека наедине с его собственными переживаниями.

Перевод с латышского.

— Который год таскаю по инстанциям...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

— Сейчас опять начнет о своей жизни скулить...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Мих. ГОРОДИНСКИЙ

Рассказ

Петр Михайлович разделывал сельдь стоя, прижав рыбью голову к коленке локтем свободной руки. Работал он истово и вдохновенно. Рыба плясала и извивалась, меняла длину и форму, превращаясь под умелой рукой Петра Михайловича в закуску. Иногда он отпускал рыбу и тер освободившимся локтем по майке, там, где чесалось.

— Петь, а Петь,— позвала жена, хлопотавшая тут же, у плиты,— сейчас по радио передавали, куда пойти сегодня вечером, так, может, и мы сходим куда-нибудь вечерком. В театре, передавали, постановку ставят...

— Молодой сельдь, а жирный,— удовлетворенно просопел супруг.— Такой молодой, а такой жирный...

— Ну так как, Петь? Может, сходим в театр вечерком?—продолжала жена, пробуя ножом парящуюся в кипятке картошку.

— Это гдей-то? — улыбаясь селедке, спросил Петр Михайлович.

— Да я говорю, по радио передавали, постановку ставят, в театре...

— Ставят постановку, говоришь? Неужто ставят еще? Вот дают! Ставят, ставят...— Петр Михайлович точным движением лишил сельдь головы.

— Петь, а то и в музей сходить можно, выставка картин как раз...

Муж прищурил левый глаз, мысленно разбивая рыбину на куски.

— Это гдей-то? — спросил он, нанося на сельдь только ему понятные знаки.

— Я говорю, в музее выставка сейчас... картин...

— Картин, говоришь? Так это что ж, все рисуют, что ли? Рисуют, выходит? Баба,— брюзгливо прорычал Петр Михайлович.

— Ты что это, Петь, ругаешься-то, и чего это ты вдруг? — испугалась жена.

— Да сельдь-баба попалась,— вынимая из рыбы икру, объяснил супруг,— сельдь, а баба...

— Так, Петя? Сходим, может, в цирк хотя бы. Возьмем и сходим.

— Это гдей-то? — поинтересовался Петр Михайлович, исступленно кромсая сахарную луковицу.

— Да я говорю, в цирке тигры дрессированные, пойдем на тигров то поглядеть, я уж и забыла, когда животное умное последний раз видела.

Антонина Степановна сняла картошку, слила в раковину воду. Теплый пар наполнил кухню.

— Это что же, значит, дрессируют? Сколько уж лет все дрессируют. Так ведь и сельдь скоро начнут дрессировать,— пошутил Петр Михайлович.— Слышь, Антонина, так ить и сельдь скоро начнут дрессировать.

Вдохновленный удачной шуткой, Петр Михайлович энергично рубанул по луковице, собрал кружочки в кулак и аккуратно обложил сельдь. Потом залил рыбу постным маслом.

Убранная луком сельдь лежала в масле, как живая; отсутствие там где положено головы ничуть ее не портило, а, наоборот, придавало картине законченность и строгость.

Петр Михайлович чуть отступил назад, прищурил глаз и замер, как художник перед последним мазком. Подошел, слегка поправил селедочный хвост и понес закуску на стол, уже покрытый тугой крахмальной скатертью.

После обеда Петр Михайлович задержался за столом. Жена собирала посуду, еще хранившую тепло обильной пищи.

— Антонина,— позвал Петр Михайлович, глядя в стену,— ты вот недавно про постановку говорила... Так ты это с мыслью какой?

— Да что ты, Петь, просто по радио передавали, куда пойти сегодня вечером.

— А мне так показалось, что с мыслью,— вынимая из зуба косточку, признался Петр Михайлович.

Он еще немного посидел. Потом включил телевизор.

— Пусть нагревается,— пояснил он, укладываясь на диван.

Храпел Петр Михайлович негромко, но басовито.

г. Ленинград

Святослав СПАССКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

50 АШХАБАД ИДУ, ШАГАЮ ПО СТРАНЕ

ДОБРАЯ ГИДРА ПУСТЫНИ

Прежде всего надо уяснить, для чего человечеству нужны каналы.

Я-то это знал хорошо, потому что юность провел в городе Дмитрове, на берегах канала Москва — Волга. Я знал, что по каналу пускают теплоходы с целью создания искусственной волны, поскольку купание без волн — удовольствие половинчатое. Я знал, что человеческая воля формируется каналом, ибо только тот, кто переплывет его туда и обратно без передышки, может считать себя настоящим мужчиной. Ну, и плотва в канале неплохо ловится...

Правда, сейчас, по прошествии многих лет, взгляды эти показались мне немного субъективистскими. Для их проверки я и поехал на Каракумский канал имени В. И. Ленина.

* * *

Если от простого идти к сложному, факты следует располагать так:

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Амударья же назло Волге впадает в Аральское. И в этом вся загвоздка. Плодороднейшие земли Туркмении лежат мертвым слоем. А ведь там, где есть вода, эти земли рождают суперизделия: виноград величиной с персик, персик величиной с дыню, а для дыни эталона не подобрать, его нету. Потому что вес такой дыни — тридцать шесть килограммов.

А главное — хлопок. Отыщите на карте треугольник Каспийское побережье — иранская граница — горы Копет-Даг. Смочите этот треугольник водой, и он тут же покроется хлопком тончайшего волокна, который и не снится штату Луизиана. Такой хлопок имеется в малых дозах лишь в Индии да в Египте.

Само собой напрашивается — взять эту Амударью да и завернуть в Каспий. Тем более что и наклон Туркмения имеет именно такой, чтобы вода самотеком катилась по ней, без шлюзов и насосных станций.

Четверть тысячелетия тому назад били челом царю Петру жалобщики: хан хивинский перегородил-де естественное русло реки, и течет она теперь не в Каспийское море, а в Арал. Внимательно, без волокиты рассмотрена была жалоба, и вот уже командируется специальная комиссия, чтобы «ежели возможно, оную воду обратить в старый ток». Но если в наше время подобные комиссии встречают с трепетом душевным и аккуратно подшитой документацией, то тогда вопросы решались иначе. И хивинский хан деловито рубит головы прибывшим ревизорам, застраховав воды Амударьи на двести лет от дальнейших покушений.

А сейчас вот она, Каракум-река. Можно присесть на берегу и сполоснуть физиономию, запыленную тонким песком пустыни. А можно просто повернуть водопроводный кран в гостинице, и частичка канала выплеснется тебе на ладони. Частички канала сверкают в вычурных ашхабадских фонтанах, и автоцистерна поливает ими асфальтовые улицы города Мары, противным воем предупреждая зазевавшихся прохожих.

Верблюд торопиться не любит. А давить его не имеют права — это он знает твердо. Может быть, побоится монтировки?

* * *

Во все стороны, как нечистая сила, разлетаются клубки перекати-поля. Но вот затихает мини-самум, поднятый вертолетными лопастями, и, по щиколотку утопая в роскошной белой пыли, я направляюсь в поселок Головное. Здесь начинается канал. И Сергей Георгиевич Дементьев, начальник участка, водит пальцем по схеме, терпеливо втолковывая мне принцип работы головных гидросооружений. Принцип заключается в следующей фразе: «Одна голова — хорошо, а четыре — лучше». Четыре русла соединяют канал с рекой. Не излишество ли?

Нет. Амударья держит первенство мира по бешенству и своенравию. Она старательно грызет берега, все время меняя свое ложе. Она тащит горы ила, песка и мусора, приволакивает целые стволы заграничных деревьев и зашвыривает их в русла канала. Поэтому телефонный вопрос «Чем у тебя голова забита?» является для Дементьева не оскорбительным, а обыденно-деловым. Так и протекает время — две «головы» работают, две чистятся, для чего день и ночь трудятся четырнадцать землесосов. Случается, рыжий поток мощностью миллион кубометров в час выворачивает бетонные основания сооружений и—стоп, голова, отключайся на ремонт...

Русские ребята совсем «отуркменились»...

А Дементьев — первопроходец, один из немногих ветеранов, которые начинали стройку в 1954 году и остались здесь насовсем.

Было так. Де-юре — сорок восемь градусов в тени. Де-факто — тени не сыщешь, значит, эти градусы превращаются уже в семьдесят — семьдесят пять на опаленной плоскости земли.

Какой радиатор сможет противостоять подобному пеклу, какой подшипник выдержит нескончаемые атаки барханных песков? С мая по сентябрь с 12 до 17 часов ежедневно машины бастовали. Не выдерживали. А люди?

«А наши люди оказались крепче машин»,— приготовился я записать красивую, излюбленную репортерами строку.

— Люди? Всякое бывало,— усмехается Сергей Георгиевич.— Мотаешься с утра по участку — тогда тяжко было, без вертолетов-то,— вот и видишь: бульдозер притулился в песке сиротинушкой. Где же Вася-бульдозерист? Привет от Васи. Вчера еще пересел на попутную машину да и подался в края, где попрохладнее.

Трудно было, но мы победили.— Эту трибунную фразу Дементьев произносит устало-негромко, как говорят: «Маша, прикрой дверь, дует». Музыка не сопутствует этой фразе, если не считать музыкой клокочущий рев повернутой реки.

* * *

На карте канал выглядит этакой четырехголовой гидрой из бабушкиной сказки. Пьет гидра воду из Амударьи и никак не напьется, а пыльный хвост ее — за тысячу верст отсюда, и растет потихонечку, и раздвоится в будущем. Одна хвостина повернет на нефтеносный северо-запад, вторая — на субтропический юг.

Современной гидрой надо и управлять по-современному, для чего существует трест «Каракумгидрострой» в городе Мары. Главный инженер треста Константин Евгеньевич Церетелли — тоже ветеран Каракумдарьи. Он проектировал ее и строил. Крупнейший сп циалист, лауреат Ленинской премии. Сейчас. А было время.

— Не верили — и все тут,— вспоминает Церетелли.— Ведь еще в тринадцатом году Америка предлагала царю концессию на 99 лет для постройки и эксплуатации канала. Царь-то, он согласился с ходу, а вот большой американский гидротехник Дэвис поездил-поездил по пустыне, да и дал отбой. «Не получится канала,— решил он,— уйдет вода в песок...»

Существует научное понятие «фильтрация», негидротехническим мозгам тоже в общем-то понятное. Сигаретный фильтр, например, никотин придерживает, маловредный дым пропускает. Здесь же — наоборот: полезная, желанная вода уходит от нас в песчаные слои. День уходит, два, месяц. Но не вечно. Насыщается все же песок, заиливается дно, и новые порции воды уже бегут по руслу. Вот в это и не поверил Дэвис. Бизнес не предвкушался, и Америка отшатнулась.

Кабы только Америка! «Фь-ю-ю,— посвистывали временные руководящие люди.— Опытные иностранцы не взялись, где уж нам уж!..» Радовалась разбойная душа хивинского хана в мусульманском раю: снова откладывался вопрос. Правда, головы теперь не рубили, рубили проекты, сметы. Достаточно ведь снабдить слово «проект» буквой «ж», чтобы получился «прожект» — ирреальность, фантастика, маниловщина.

У времени своя фильтрация. Неверящие, сомневающиеся просочились. Нужные остались, чтобы работать.

* * *

Ничка — даже не оазис, а так, оазисенок в центре юго-восточных Каракумов, прилепившийся к каналу. На сотни километров во все стороны положенная по штату экзотика: барханы, кобры, верблюжья колючка, белое солнце пустыни. А поселок живет, расширяется, и кино каждый день, и вот уже торчит первая телеантенна высотой чуть пониже Останкинской башни, и сносятся старые землянки. Мы идем по Ничке с председателем постройкома Оразмуратом Шамаковым и начальником СМУ Хоммашем Бабаевым. Оба ревниво оглядывают свое детище: вот песчаной бурей выдавило фонарное окно столовой — надо вставить, покосился летний навес детяслей — надо поправить... Как папа, баюкает Бабаев в широких ладонях зеленые урючины, сентиментально любуется розовым нарядом персикового дерева. Но не сантименты это, а радость удовлетворенности. Труд не пропал за так, и зеленый бархат люцерны, и виноградная лоза, и веселые детские рожицы,— все это стало возможным сейчас, когда вот тут, под боком, несется тугая толща воды.

Корабль пустыни — что это, по-вашему? Верблюд? Ничего подобного. Это белый подводнокрылый катер Батумского завода. На нем мы с Бабаевым пересекаем Каракумы. Встречный ветер нейтрализует зной, серая гладь канала кажется асфальтовой магистралью, и на обочинах по-светофорному вспыхивают ярко-зеленые лопухи,. желтые островки песка, алые гроздья маков. Это красиво и не только для новичка, потому что Бабаев тоже не отводит глаз от берегов и умиротворенно ворчит:

— Вот, в пустыне живу, а видеть ее не успеваю.

У него дел полно. Канал, буйный сынок Амударьи, не устает выкидывать номера. Бурля, подмывает берега, выкладывает длинные отмели. Ему помогают злые песчаные ветры.

— А рыба здесь водится?

Хоммаш Бабаевич хитро щурится и международным рыбацким жестом разводит ладони как можно шире. Он, конечно, шутит, этот Бабаев: все ж таки не море тут, хотя и глубина есть — до десяти метров и ширина — восемьдесят.

Обедаем в поселке Захмет, и вот уже перед нами глубокое блюдо с самым обычным, сугубо местным кушаньем — свежая рыба. Белый амур килограммов на пять-шесть. Он, оказывается, вовсе не шутил, этот Бабаев...

* * *

К воде можно относиться по-разному.

Встречая друга Федю Попова, который наезжает примерно раз в одиннадцать лет, укладываешь полдюжины пива в водопроводную раковину, струю воды пускаешь потолще: теплое пиво недостойно друга. Вспоминаешь тем временем звонкие студенческие годы:

— Много, брат, воды утекло...

— Много,— соглашается Федя, мирно наблюдая струю, омывающую бутылки. Он, Попов Федя, живет в Игирме, строит ветку на Усть-Илим. Игирма, и Илим, и Ангара — рек вокруг навалом. С Ангары какой спрос? Главное, чтобы турбины вертела, а там пусть себе течет хоть до Ледовитого...

Происходит эта встреча на Студенецком переулке, на Пресне. Студенец — речка такая, чистейшей воды. Была. Была и Пресня-речка, тоже водой славилась. Были да сплыли, о чем толковать? Давай-ка, Федя, газету развернем, почитаем. Вот — победные реляции. В Москве на жителя приходится 350 литров воды в день, не то что в неважно живущем капиталистическом Брюсселе. Там — 85. А к 1976 году получит Москва дополнительно воду реки Вазузы. По этому случаю ну-ка отверни, Федя, кран побольше.

...А можно молча постоять рядом с Гарры Гошаевым, председателем колхоза имени Махтумкули. Гарры прячет лоб под козырьком кепки и неотрывно смотрит на растрескавшуюся от жары землю. На тысячу гектаров раскинул колхоз поля и сады, а для Гошаева это только начало. На эту пятилетку замах его — три тысячи. Вот лишь воду подведут. Земля дает по три урожая помидоров, огурцов, лука. Повзводно выстроились молодые яблони, груши, вишни. Вот и миндаль — дерево влаголюбивое, нежное: недаром говорят «миндальничать». Тутовые деревья — единственные, листья которых люди с радостью отдают на пожирание червям. А то ли еще будет, погодите. Вот лишь воду подведут.

Позже, в Ашхабаде, снова встретясь с Церетелли, я живописую ему нужды Гошаева.

— Да получит он воду,— спокойно отвечает Церетелли.— Сколько нужно, столько и дадим.

— А при таком «скольконужном» снабжении хватит ли Амударьи?

— И это учли. К двухтысячному году начнем перебрасывать сибирские реки. Вот сюда, через Казахстан, повернем Иртыш.

Двухтысячный год для него ясен, как дважды три. Даже неудобно разузнавать подробности. Кажется, спроси его о трехтысячном — он с той же спокойной уверенностью пояснит:

— А в трехтысячном начнем завозить воду из соседней галактики.

Старость мудра. Для всех на солнце 45 градусов, а для него только 36,6.

* * *

Голова превращалась в гроссбух. Одолевали цифры, и отвязаться от них не было возможности. Уже находясь в Москве, на прозаический вопрос жены «Посмотри, много в чайнике воды?» я отвечал: «Не очень. Вот в Хаузханском водохранилище скоро будет полтора миллиарда кубов...»

Однако голая цифра, пускай самая внушительная, фетишизируется разве что в школах с математическим уклоном. И когда слышишь: «Самый западный экскаватор работает на отметке 925-й километр»,— хочется потоптаться на этой отметке своими, личными ногами. Правой и левой.

И вот Курбан Мамедов, главный механик СМУ, тащит меня на крутой свежеотрытый откос. Такие высоченные горы стерильно свежего, новенького песка я видел, наверное, только в сладких дошкольных снах. Скоро и тут по вспоротому брюху пустыни побежит целебная живая вода.

Вагончик экскаваторной бригады. Рядом, в тени, расстелена кошма. Хозяева угощают зеленым чаем из зеленого же чайника.

Проценты выполнения плана бригадой (180—200) я узнал заранее, а потому за чаем идет неторопливая вежливая беседа о капризах погоды, о здоровье родственников, о достоинствах туркменских овчарок.

Владимир Пискунов, бригадир, достает вездесущий «Беломор», и я мысленно начинаю сочинять петицию в Главтабак Министерства пищевой промышленности.

Вспомните-ка: давным-давно выпустили эти папиросы. На этикетке убедительно выглядела географическая карта с тремя каналами: Кильским, Суэцким, Беломорско-Балтийским. Гражданин, вскрывая ногтем пачку, соображал: ага, наш-то канал подлиннее буржуйских.

Но хмурый Некто не увидел здесь здоровой пропаганды, этикетку переделали, и теперь Беломор-канал сравнивается с нашими же каналами: имени Москвы и Волго-Доном.

«Вот,— вправе подумать сегодняшний курильщик,— первый-то канал длиннее был, выдыхается, значит, наш Каналстрой».

Тут бы на пачке и тиснуть голубую Каракумскую извилину, чтобы видел сомневающийся гражданин: Этот. Наш. Советский. Канал — уникальнейшее сооружение в мировом масштабе.

Вот в таком духе мысленно обратился я к Минпищепрому, а чтобы не забыть, извлек из кармана блокнот. Помощник бригадира Николай Клипиков осторожно замечает:

— Вы только не пишите такого... ну, чего нет, что ли...

(В переводе с языка дипломатов значит: врать не надо.)

— ...а то вот работал я на Каршинском канале, в Узбекистане. Тоже корреспондент приезжал. Ну, уехал он, и читаем мы в газете заметку «Вода пошла по каналу!». С фотографией. А вода-то пошла через полгода.

— А как же фото?

— Не разобрался он. Два дня ливни шли, вот канал и заполнился.

Я встаю и на всякий случай снова забираюсь на дамбу. Нет, все правильно: воды еще нет.

Вот так, в ослепительном пекле, с песочком, вырабатывают ребята свои двести процентов. Вдуматься, так проценты процентам рознь: одно дело — в прохладе, с вентиляцией и бесплатной газировкой, другое дело — тут... И потому, наверное, быть строителем канала — здесь самая почетная должность. И даже выражение «каналья» просто не понимают.

— Ну, как вам стройка? Размах — ничего?

Пискунов задает вопрос чисто риторически, поскольку ответ известен заранее. Он спрашивает не без гордости, как будто они вдвоем с Николаем вырыли эту махину. А в общем, по-своему он прав, поскольку оба на канале уже второй десяток лет.

Подходит седой бульдозерист Петя. Он сердито требует от Мамедова ремонтников — видано ли, чтобы самим, без условий, ремонтировать машины? Выступление не без расчета на прессу, которая присутствует, отхлебывая из пиалы. Мамедов, чувствуя ситуацию так же тонко, охотно соглашается: сделаем.

* * *

Выливается из репродуктора, патокой растекается по площади песенная душещипательность:

«Я твой усталый сон благословляю,
Наш непростой советский человек...»

А самолеты — как рыбы на раскаленной сковороде аэродрома. Разомлевшие от жары, два парня лениво, только ради мужского престижа, вяжутся к красивой блондинке, дежурящей у аэродромной калитки:

— Девушка, вы сами не здешняя?

Она молча качает головой.

— Из Горького, наверное? — игриво предполагает один.

— Наша, владимирская,— кокетничает другой.

— Я из Эстонии,— информирует девушка.

Тема иссякла. Парни обескураженно замолкают.

— Магомет вернулся из отпуска,— сообщает мне туркмен с полосатым импортным чемоданом.

— Какой Магомет?

— Наш Магомет уходил в отпуск. Русский бог его всю зиму замещал. Тридцать градусов мороз делал. А Магомет вернулся — снова тепло стало.

Полусветовое табло на передней стенке салона бросает хулиганские призывы:

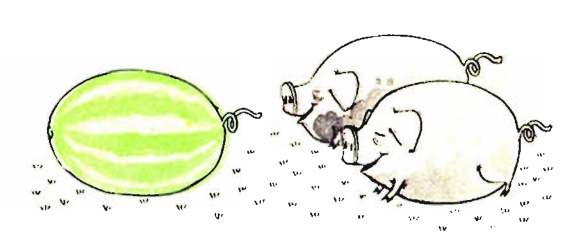
«...курить
...гнуть ремни».

Люди призывам не внемлют. Не курят, ремни не гнут. Сидят тихо, дремлют, утомленные солнцем.

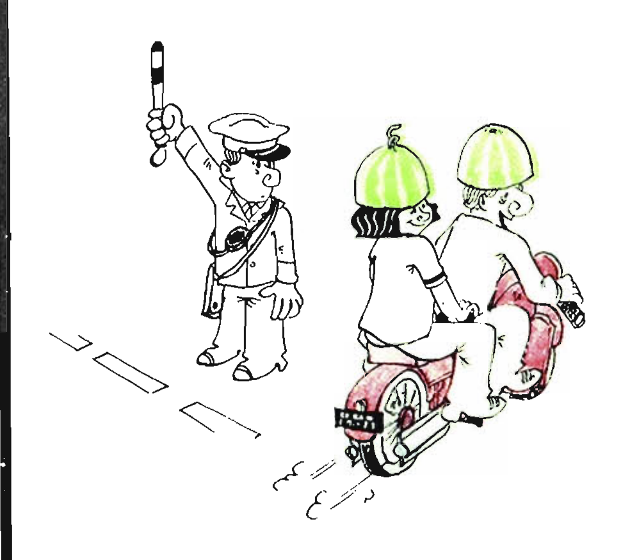

— Вот доверили посев арбузов практиканту!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Думает, в зелени вымазался, так мы его не узнаем!

Рисунки Н. ЩЕРБАКОВА

Юрий БЛАГОВ

У живых карикатур

Подарило мне свиданье
С Гринич-Виллиджем (Нью-Йорк)
Как туристу — содроганье,
Как сатирику — восторг...
Заурядное селенье —
Ни фонтанов, ни скульптур,—
Но в селенье населенье
Из живых карикатур.
Гринич-Виллидж — царство хиппи,
Их центральный бастион,
Эти хиппи вроде сыпи
Облепили весь район.
В одеянии из рвани,
В облачении из дыр,
Созидают обезьяний,
От всего свободный мир.
Чтоб лежать — не подниматься,
Попивать любую муть
И лениво обниматься
Где-нибудь и с кем-нибудь.
У принявших эту позу
Кавалеров и девиц
«Ничего не делать!» — лозунг,
«Наплевать на все!» — девиз.
Но узнать, где кавалеры,
Где девицы,— мудрено:
И ОНА и ОН мгновенно
Превращаются в ОНО.
Неизвестно, скажем честно,
Тут становится уже,
Где такой (такому) место —
Может, в «М», а может, в «Ж»!

Служит здесь культурным центром
Полутемная нора
С фонарем люминесцентным
И поп-музыкой (с утра!).
Род занятий хиппи — отдых,
Местожительство — подъезд,
Но никто из хиппи воздух,
Разумеется, не ест.
Вот космач идет вразвалку,
Для продажи он принес
Кучу мусора со свалки,—
Чем не босс, хотя и бос!
Впрочем, спрос растет не быстро,
Но торговец деловит,—
Он снимающим туристам
Норовит продать свой вид.
Вот девица в платье-сетке
Приготовилась таскать
Транспарант «Свобода сексу!»
За три доллара иль пять.
Делегируют девчонок
На проспект и на бульвар
Секс-владельцы секс-лавчонок
Двигать в массы секс-товар.
И девчонки с равнодушьем
Обнажают естество,—
Раз, мол, нет на нас жемчужин,
Пусть не будет ничего!
Хиппи сбросили оковы
Каждодневного труда,
Но за доллары готовы
Потрудиться иногда.
Могут вывеской ходячей
Красоваться день-деньской,
Могут дать концерт кошачий,
Чтоб сорвать концерт людской.

А когда зима настанет
И подуют ветры злей,
Пробиваться хиппи станут
В те края, где потеплей.
Чтоб и там не напрягаться,
Попивать любую муть
И лениво обниматься
Где-нибудь и с кем-нибудь.
В жалких этих полудетях
Пламень юности угас...

. . . .

Я про хиппи вспомнил, встретив
Их последышей у нас.

Нью-Йорк — Москва

Итальянские неофашисты подняли в последнее время ажиотаж вокруг имени Муссолини. Римские киностудии снимают ряд фильмов, восхваляющих покойного дуче.

— Внимание! Идет съемка!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Лев ЛУКЬЯНОВ

ПИСК В АРХИВЕ

В архиве министерства юстиции порядок был во всем. Дела о грабежах, насилиях, убийствах хранились в огромном зале. Дела о мошенничествах, вымогательствах, шантаже покоились в зале поменьше. Документы, уличающие политиков и военных, помещались в небольшой комнатке. Ну, а что касается дел о преступлениях монополий, то они занимали маленькую скромную полочку. А поскольку мыши, жившие в архиве, испокон веков уважали границы чужих владений, то грызуны, обитавшие на полке судебных дел о преступлениях монополий, едва шевелили лапками: пропитания им отчаянно не хватало.

Было когда-то, лет девяносто назад, время, когда законодатели решили несколько приструнить монополии,— мол, не забывайтесь, джентльмены, хапайте, но в меру приличий. Закон Шермана запрещал фирмам негласно делить сферы влияния, устанавливать общую экономическую политику, сливаться втайне в гигантские тресты, которые могли бы диктовать свои условия всему мировому рынку.

В сороковых годах больше половины всех судебных дел составляли дела о нарушениях антитрестовского закона Шермана. Еды для мышей было навалом. Но уже в 1970 году против монополий было возбуждено совсем мизерное количество дел. А теперь — того хуже. Полка опустела. Жрать мышам стало нечего...

Один мышиный дед, у которого даже хвост был седым, в сотый раз безуспешно облизывал сухой, твердый, невкусный картон.

— Эх,— вздохнул старик,— сейчас бы парочку таблеток тетрациклина...

— Чего? — удивился его ушастенький внучонок.

— Тетрациклина. Очень вкусная штука. Я был еще таким, как ты, когда нам доставили пухлое дело о махинациях фармацевтических фирм и три коробки с таблетками — вещественные доказательства. Мне мама давала по таблетке на сладкое...

— На сладкое? — У мышонка потекли слюнки.— Дедушка, расскажи, что это за дело?

— Обыкновенное. Производство ста таблеток обходилось фирмам в полтора доллара, а фирмы договорились между собой и продавали больным сто таблеток за 51 доллар. Чуть ли не десять лет разбирались, дело слушалось в конгрессе, рассматривалось в суде. В конце концов цену снизили до 5 долларов. Но, представляешь, сколько за это время нахапали фармацевтические фирмы?

— Не представляю,— честно признался любознательный внук.

— Я тоже. А вот в 1961 году был заговор — всем заговорам заговор. На 7 миллиардов долларов!

— А кто их заработал?

— В заговоре участвовали почти все фирмы по производству электрооборудования. Они сговорились о ценах и содрали с покупателей сколько смогли...

— Слушай, дед! — запищал Ушастый.— Я требую немедленно созвать Большой сход!

Юные единомышленники Ушастого запищали в поддержку...

На полупустой полке разместилась вся оголодавшая мышиная семья.

— Граждане мыши! — запищал Ушастый.— Доколе мы будем сосать собственные хвосты и смотреть, как страдает от недоедания подрастающее поколение? Настал час великого решения. Надо выяснить наконец причину неурожайности антитрестовских дел. То ли монополии стали паиньками и их уже судить не за что, то ли наше министерство юстиции обленилось...

Ходоки из архива разбежались по всему министерству. Они проникли даже в самые высокопоставленные кабинеты. Они не оставили без внимания и секретные службы, и помещения заместителей министра, и буфет, проскальзывая мимо котов, которые брезгливо отворачивались при виде тощих антитрестовских мышей.

Возвращались они с одной и той же радостной вестью — монополии и не думали соблюдать закон. Напротив, фирмы сообща обдирают покупателей с небывалым доселе энтузиазмом.

— Слава монополиям! Еда будет! — прошелестел дед Ушастого: от голода он уже не мог пищать.

— Увы,— печально ответил Ушастый.— Судьи не желают рассматривать дела против преступных фирм. Понимаешь, в глазах судей обвиняемые бизнесмены — это близкие им по духу люди, может быть, даже члены одного с ними клуба. Знаешь, один судья так и сказал: «Антитрестовские законы — это часть романтической мечты Америки, которой не суждено осуществиться при современной промышленной системе»... За более чем 80-летнюю историю закона Шермана было только три случая, когда бизнесмены действительно угодили за решетку!

— Какая несправедливость! — выдохнул дед.— В Далласе некоего Джозефа Силза за кражу 73 долларов приговорили к 1000 годам тюрьмы, а тут эти фирмы крадут миллионы, и никого не сажают! Мы должны...

Что должны были сделать мыши, никто не узнал. Это были последние слова деда...

— Еще одна жертва монополий! — закричал Ушастый.— Граждане мыши, поклянемся памятью моего деда, скончавшегося от хронической дистрофии, что будем шумно протестовать! Долой попустительство! К ответу преступные монополии!..

Шумный протест мышей был услышан лишь штатным котом министерства юстиции. Он мигом навел порядок в архиве.

В интервью по поводу этого инцидента кот заявил, что к столетию антитрестовского закона Шермана на полке, где хранятся дела монополий, не останется ни одной живой мыши.

— Те, которым удастся ускользнуть от меня лично, сдохнут от голодухи! — заверил кот.

— Выручайте, вы же наши шефы!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Игорь ТАРАБУКИН

А ЧТО ДАЛЬШЕ!

И до чего же грустно в мире!
Вот, например, сосед в квартире
Лягушек притащил в картонках,
А я тогда принес ужа.
Он мне назло купил мышонка,
А я ему назло — ежа!
Он пса завел, я — злую кошку,
Хотя мне кошка не нужна...
Придется с кошкой
лезть в окошко:
Сосед уж тащит в дверь слона!

г. Свердловск.

Ф. НОСКОВ

САМ ВОШЕЛ...

Имел писатель
Цельную натуру.
Чтоб вслед за ним
Не мог идти любой,
Едва успел
Войти в литературу,
Как сразу дверь
Захлопнул за собой.

ДУРНОЙ ПРИМЕР

Собачка секретарши
Добрая была.
И вдруг пошла
Такая передряга!..
Собачка с ней
На службе побыла —
Теперь на всех
Бросается, бедняга...

г. Калининград.

Доверительные строки

Ленинград, С-ву Б., предложившему нам следующее:

Одним словом все, что ему было нужно —
сервант, стол для кухни и тумбочка то ж
Все было в машину погружено дружно,
в поджилках никто не испытывал дрожь.

Прочитав Ваши стихи, мы то ж ничего не испытываем в поджилках, но в то ж время беспокоимся за поджилки читателя.

Кстати говоря...

Дорогой Крокодил!

В третьем номере вашего журнала есть заметка «Из Европы в Азию». Часто подобные заметки появляются и в местных газетах. В Омске да и в других городах. Ругают автобусных шоферов, обещают что-то наладить, что-то пересмотреть, кого-то наказать и т. п. Но давайте немного поразмыслим.

Омский учебный комбинат облавтоуправления выпускает в год три тысячи шоферов. Кроме того, существуют еще и автошколы. А между тем в Омске сейчас не хватает очень много шоферов в грузовых автохозяйствах, а еще больше в пассажирских. И вот тут возникает вопрос: почему? Почему люди, имеющие удостоверения водителя, работают кем угодно, но не шоферами? Почему даже в таком автохозяйстве, как Омский автобусный парк № 7, не хватает по 30—40 человек на каждую колонну?

Я сам шофер 2-го класса, а работаю на заводе слесарем. И не жалею, что сменил профессию. Ведь если взглянуть на графики движения автобусов во всех четырех парках, обслуживающих город, так нет ни одного, который соответствовал бы правильной организации труда и отдыха автобусной бригады. Работающим в первую смену вставать приходится в четыре часа, а вторая смена чаще всего трудится без обеда.

Вот и выходит, что при нынешней нехватке водителей автомобиль работает не только на бензине, но и на энтузиазме того, кто крутит баранку.

А. ШЕВЦОВ

г. Омск.

Улыбнись, читатель!

В вашем журнале № 36 за 1971 год были помещены рисунки художников К. Невлера и М. Ушаца. Рядом с ними вы осмелились поместить репродукции с картин великих мастеров живописи: Ван-Дейка, Перова, Пикассо и др. Честно говоря, мы глубоко возмущены таким проявлением остроумия и просим ответить, чем вызвано ваше непреодолимое желание унизить полотна великих мастеров.

В. ИСАЕВА, Е. ЛАНДФЕЛЬД, Н. МАРТЫНЕНКО,
студенты полиграфического института

г. Москва.

* * *

Уважаемые товарищи Исаева, Ландфельд, Мартыненко!

По вашему сигналу указанный номер журнала тщательно проверен, и в нем обнаружены следы проступка художников Невлера и Ушаца, которые совершенно беспардонно назвали возмутивший вас вернисаж «В соавторстве с великими».

Опрошенные со всей строгостью Невлер и Ушац во всем сознались. Они хотели примазаться в соавторы к Ван-Дейку, Перову, Пикассо и др. Алкая при этом, конечно, их мировой славы.

Но Невлер и Ушац в то же время просили учесть и смягчающее обстоятельство: они не трогали своими кистями полотен великих художников, а лишь пририсовали к ним сбоку свои изокомментарии.

Если и впредь художники Невлер и Ушац прибегнут к использованию в юмористических целях работ известных живописцев, мы будем снабжать каждый такой рисунок спецпометкой: «Внимание — шутка!»

Реплика фельетонисту

«И У НАС ОНО ТАЕТ!»

Очень справедливый был фельетон в стихах «Пласт мяса на ребрышке» А. Внукова в одном из номеров вашего журнала о том, как тает мясо у скота перед мясокомбинатами. Не хватало в нем только цифр. Вот я и решил дополнить фельетон своими цифрами и фактами.

Три года я работаю приемщиком скота от населения и колхозов и все это время наблюдаю, как в системе скотооткорма повторяются одни и те же ошибки.

Каждый год, начиная с августа и до декабря — января, бывают очень большие скопления скота на базах приемных пунктов и на пунктах откорма. Взять хотя бы наш Кич-Городецкий откормочный совхоз. Он совсем маленький, а район — самый большой в области, поэтому не только пропустить скот через откорм и доращивание, но даже просто принять его и сразу сдать государству невозможно.

С июля и до марта нам ежемесячно нужно сдавать мясокомбинатам по 500 тонн скота, но с большим усилием удается протолкнуть 200—250 тонн. Скот, пригнанный на мясокомбинат, 2—3 дня стоит у ворот.

В дни массовой сдачи скота населением мы бываем вынуждены не принимать больше 200 голов, прибывших к нам за 60—80 километров. Колхозник или рабочий лесопункта выкормил телку или свинью, добирался до нас двое суток, может, больше, а мы гоним его обратно. Сколько мяса теряет государство!

М. ТЕТЕРИН,
приемщик скота.

Совхоз Кичменгско-Городецкий,
Вологодской обл.

— Врата обивать будем? Есть импортная чертова кожа!

Рисунок **Ю. ФЕДОРОВА**

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Модель вторая — накидка в комплекте с брюками и трикотажно-вязаным свитером. По голубой накидке идет вышивка из нитей, вытасканных из ткани брюк».

Газета «Смена», г. Калинин

«У меня подано заявление на понижение председателю правления ЖСК, и сейчас моя очередь первая, но председатель пользуется председательстаом и злоупотребляет. Понизила себя без очереди, потом вновь отдала нижний этаж другому лицу, а сама опять поднялась на 4-й этаж. Длительное время я не могу понизиться ниже 4-го этажа. Копия заявления подписана председателем правления, что очередь на понижение моя, а понижаются другие».

(Из заявления)

«Ничего он мне не сделал: приходил два вечера, замазал мне глаза, а дыры все остались».

(Из жалобы)
Собрала О. Абдулина, г. Душанбе

«Продаю
автомобиль марки «Мерседес-Бенц-4», 2-х дверочный, на ходу, ходовая и двигатель — родные».

Прислал В. Безденежных, г. Цхалтубо

Телевидение
«25 июня
11.15 Т. Макарская. «Как дружил мальчик с девочкой». Спектакль».

Газета «Гродненская правда»

«25 июня
11.15 Т. Макарская. «Не дружил мальчик с девочкой». Телевизионный спектакль».

Газета «Знамя юности», г. Минск

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

6. ГОРОДА В ОКЕАНЕ

Подхваченный новорожденным Гольфстримом, стремительно огибал «Атласов» Флориду. Созвездие яхт, россыпь катерков — рыболовы-любители. Вздохнувший с облегчением «дед» выключает кондиционеры. Дай ему волю — руками станет вращать винт: только бы не утруждать машину.

На четвертую ночь просыпаюсь от тишины. Не дребезжит стакан на полке, не прыгает кустарно закрепленный на столе будильник. Выглядываю в иллюминатор, и внутри у меня делается дурно: в центре большого города стоим мы. Огни, огни, огни...

— Мы в Нью-Йорке? — спрашиваю я, взлетев на мостик.

Второй штурман Кузнецов кивает на слабо мерцающее зарево:

— Нью-Йорк — вон.

— А как называется этот город?

— Промысел. Заурядный крупный промысел. До двухсот судов.

Джорджес-банка, Большая Ньюфаундлендская банка, район Лабрадора... Города в океане.

Многонациональна страна, что возвела город в океане, многонационален, стало быть, город. Суда Литвы и Украины, России и Латвии, Грузии и Эстонии — вот краткий этнографический разрез Джорджес-банки.

Щедро оправдывает Джорджес-банка давнее свое прозвище — гнилой угол Атлантики. Туман, зыбь идет такая, что буфетчица Ольга Федоровна смачивает скатерти, дабы не путешествовали по столу тарелки с супом. Гудя, на ощупь бредут пароходы, на ощупь швартуются — произнесем же здравицу в честь локатора, этого всевидящего ока нашего времени! Но сперва произнесем здравицу в честь капитанов, потому что знаете, читатель, что такое швартовка в открытом море — пусть даже солнечно и штильно? Мастерство, родственное искусству высшего пилотажа.

Хулиганит зыбь, бурно закругляет зыбь погрузочные работы. Как, скажите, грузиться, когда глядишь с борта на пришвартованный корабль, а его то вознесет высоко, то в бездну бросит без стыда? «Разбежимся!» — решают капитаны, но поздно: хрустнув канатами, отрывается «Афанасий Никитин». Четверо его людей остаются на борту «Острова Атласова». Штормуем — носом на волну, предупредительно гудим в туман.

К утру успокаивается, отбуянив, океан, и мы торопливо зовем к себе растворившегося в тумане «Афанасия Никитина». Затаился «Никитин», молчит, ловит рыбу. Один из четверых, что пребывают в гостях на «Атласове»,— начальник радиостанции. Его берут за руку и принудительно влекут наверх, в радиорубку.

— Вот вам эфир и будьте любезны, найдите свой пароход. Уж вы-то знаете, на какой волне он прячется.

Начальник радиостанции, поборов патриотизм, вытаскивает из потемок родное судно.

— Приветик,— говорит «Никитин».— Знаете, «Атласов», нам неинтересно швартоваться с неполным грузом. Вот половим еще...

— Вы полагаете, нам интересно ждать вас? — язвит «Атласов».

— Хорошо, буду в шестнадцать,— огрызается «Никитин», исчезая.

Наступает шестнадцать. «Никитина» нет, и мы вновь рыскаем в эфире.

— В двадцать буду,— огрызается «Никитин», исчезая.

Окончание. Начало см. в №№ 21, 22 и 24.

Как шпагу, держим борт наголо, но наступает двадцать, а «Никитина» нет.

— Хамство, какого океан не видел,— ворчим мы.

— А вы не ворчите,— огрызается «Никитин», гневно нащупанный нами.— Утром буду.

Вы замечаете, читатель, какими темными красками набрасываю я портрет «Афанасия Никитина»? Не слишком верьте мне — от односторонности взгляда это. «Остров Атласова» — мой пароход, родной дом мой, и знаете, как необъективно чешутся у меня руки публично поклеймить обидчика «Никитина»?!

«За простой вагонов,— патетически негодовал я в записной книжке,— взимается штраф, здесь же в лице одного только «Острова Атласова» простаивают эшелоны, и ничего, никаких санкций».

Но наденем смирительную рубашку на свой местнический гнев. Вот вам проказник «Никитин» — поглядим, что делал он все это украденное у нас время. Предавался мечтам и солнцу? Смотрел пересыпанный рекламой фильм про ковбоев? Нет, ловил рыбу «Афанасий Никитин», выполняя план, который высокомерно не учитывает ни числа швартовок, ни дополнительные подходы к транспорту. Пока траулер ловит рыбу на сотню рублей, на пять сотен простаивает транспорт-гигант. Город раскинулся в океане, большой город, у которого одно общее дело, так почему же лишь собственной кухней озабочен каждый дом этого города?

— Мазут! — взывает в эфир капитан Мельник.— Двести тонк товарного мазута у меня на борту. Неужто обратно в порт везти?

— А что делать? — вздохнув в микрофон, сочувствует на расстоянии начальник промысла Захаров.

— Тогда прошу вашего радиограммного указания. Без него щекотать станут на берегу — зачем, скажут, назад привез?

— Э, нет, я тоже щекотки боюсь. Так что подымитесь лучше-ка на Ново-Шотландский шельф, это недалеко, полсуток хода. Там требуется мазут.

Подымаемся на Ново-Шотландский. Мазут нужен «Топазу», но «Топаз», оказывается, внизу, на Джорджес-банке, откуда мы пришли только что.

Начальник Захаров стеснительно мнется в эфире.

— А не спуститься ли вам на Джорджес-банку, это недалеко, полсуток хода?

Но тут приходит избавление — в лице БМРТ «Юхан Лийв», у которого, выясняется вдруг, есть место для мазута.

— Немедленно взять у «Острова Атласова»! — директирует начальник промысла.

«Юхан Лийв» насупленно молчит. Забота о собственном уюте не рекомендует ему брать мазут сейчас. Мы снимаемся и летим к нему, а он, завидев нас, снимается и летит от нас.

— Эй! — кричим мы в эфир и прибавляем узлы.— Стойте, все равно у нас скорость больше!

Вместе с нами, жирно наращивая себестоимость, катаются по океану миллионы килограммов свежемороженых даров моря...

Но представление с мазутом, который мы неизвестно зачем перли через океан, разыгралось после, сейчас же мы все еще стоим на банке Джорджес, и я гулко кашляю, затурканный туманами. В эту мрачную минуту в дверь моей каюты бухают чем-то тяжелым.

— Бросьте хандрить,— говорит, входя, штурман Кузнецов.— Мыслите диалектически, и вы увидите, что море имеет свои прелести.

В доказательство он кладет на стол клешню омара — красную, обжигающую, огромную, как кувалда.

Потом, когда над Нью-Йорком вспыхнуло зарево, явился с березовым веником под мышкой донкерман Филиппов. Он иронически взглянул на мой тетрациклин и потащил меня вниз, в русскую парную,— вышибать хворь. Деревянный полок, дубовая отделка, пар сухой и плотный — уровень Сандунов. Наутро я вспоминал о своем недуге, как о прошедших туманным видением Азорских островах.

У борта стоял «Николаев» — порт приписки Ильичевск, близ Одессы. На палубе, среди отдыхающего трала, изнывали от жирности два образцовых, на уровне ВДНХ борова.

— Зачем одесситам кормить чаек? — произносит капитан Мельник с дерибасовским уклоном.— Одесситы предпочитают кормить свиней... Одесса! — прибавляет кэп далеким голосом, и я понимаю, откуда он родом.

Деликатесную рыбу скумбрию сдает «Николаев». Вы думаете, я иронизирую? Вовсе нет. В качестве доказательства я мог бы привлечь крупные художественные полотна, что многоцветно кричат прохожим об отменных качествах океанической рыбы. Не стану привлекать: невкусно вы работаете, торгреклама! Слушайте сюда, как сказал бы капитан Мельник.

Распластайте скумбрию, выньте из нее хребет, а потом вволю ублажите ее солью и специями. Вволю, слышите? Сворачивайте вдоль и туго. Запеленайте целлофаном, свяжите ниткой и суньте через пару часов в холод. Пусть морозится до затвердения. Теперь ешьте, тонко нарезав,— ах, какой большой гастрономический праздник будет у вас!

А балык из камбалы? А строганина из палтуса?

Рыбу надо ловить — это главное, но рыбу надо подать, и рыбу надо продать — мы уже достаточно богаты, чтобы думать об этом.

А между тем к нам браво швартуется траулер-малыш «Мирфан», названный так в честь звезды Мирфак. Какой уж месяц дотошно воюет капитан, требуя исправить название! Проходит мимо «Альгейба» (звезда — Альгайба), трудится где-то Кафор — из той же астрономической обоймы, как это ни поражает вас, товарищи астрономы. Не бейте себя в грудь, доказывая, что не существует в природе звезды Кафор. Есть зато звезда Кафф и некто с размашистым почерком, щедро разделивший второе «ф» на «о» и «р».

Кризис названий мытарит Минрыбхоз... «Килька», «Салака», «Буй», «Снеток» бороздят моря, «Джигит» скачет. Но нет судна «Капитан Самольянов» — в честь Федора Ивановича Самольянова, первого директора калининградской китобойной флотилии. «Капитана Волохова» нет, а кто из калининградских рыбаков не знает этого имени?

...Под горловину загружены трюмы. Последние письма летят на палубу с промысловых судов — в тяжелых рыбацких рукавицах. Последнюю коробку свежемороженой рыбы кладет в трюм Владимир Немировский, и от троекратного «Ура!» слегка штормит Атлантику. Последнюю «молнию» пишет матрос Миша Кречетов — рекордный груз за все существование судна взят на борт — около восьми тысяч тонн. Последний пароход — «Ганс Леберехт» из Таллина — отходит от «Острова Атласова». Прощаемся тремя долгими гудками.

— Поехали, боцман! — говорит кэп, и якорь радостно покидает грунт.

Домой! Домой!

7. СУТКИ ДЛИНОЙ В 23 ЧАСА

— Вниманию экипажа! На вахте с ноля до четырех стрелки всех судовых часов будут передвинуты на час вперед.

Это значит — еще ближе к дому. Это значит — еще одни сутки пути станут на час короче. Но не завидуйте, читатель: даже эти усеченные сутки длинны и тягучи, когда возвращаешься домой.

Медленно спадает высоковольтное промысловое напряжение. Приднепровскими степями дохнуло вдруг в кают-компании. Суровый капитан Мельник, грозный кэп Мельник, требовательный и жесткий мастер Мельник, аккомпанируя на пианино, поет старинные украинские песни...

«Дед» Аркадий Борисович, скупой и ревностный попечитель всего механического на судне, благоговейно подшивает в индивидуальный скоросшиватель газетные вырезки со стихами. Но не утратил ли бдительность «дед»? Все чаще врывается в привычный шум двигателя торопливый посторонний звук. Нечто родное улавливает в нем мое ухо. Пишущая машинка... Пожалуй, это единственный механизм на борту, который даже въедливый «дед» не в силах уберечь от нещадной эксплуатации.

Что такое, думаете вы, современное судно? Это многое другое, но прежде всего это отчеты. Искусство ловить рыбу, искусство возить рыбу стыдливо отступает на второй план перед виртуозностью, с какой создаются шедевры под исходящими номерами.

Что, думаете вы, должен уметь матрос первого класса? Многое другое, но прежде всего печатать на машинке. Иначе скучно погибнет чиф, потому что разве ему одному выдать на-гора ту кипу бумаг, какую требует от него берег? Посменно дежурят у машинки во исполнение отчетности матрос Матвеев и матрос Стеблина.

Лихо вращаются шарики в авторучках: бегом заполняют труженики моря всевозможные журналы — около полусотни их на судне. Словно школьники низкого сознания, переписывают капитаны дальнего плавания отчеты по НОТу. Новые времена — новое обличье у романтики моря.

Романтика в старом обличье поступает на борт в виде карт погоды. Один шторм догоняем мы, другой шторм догоняет нас. Айсберги на северо-западе Большой Ньюфаундлендской банки... Следующая за нами плавбаза «Пионерск» сдается на милость ЦИПа. Центральный институт прогнозов, что в Москве, ведет «Пионерск», лавируя им между штормами и айсбергами.

Капитан Мельник уповает на себя. Прижатым к губам пальцем встречает меня на мостике штурман Виноградов: тише! Сложившись пополам, спит на крохотном диванчике в штурманской рубке капитан-директор. Третьи сутки не сходит он с мостика.

На берегу отдохнет капитан, скажете вы, но грустно улыбнется моряк на эти ваши слова. Комиссии, инспекции, отчеты, разборы рейса, инструктажи, заседания, гости на борту... Визиты инвентаризаторов, прибывающих на корабль с целью списания разбившейся в шторм тарелки,— права капитана-директора не простираются столь далеко, чтобы списать данное имущество собственной властью.

Поздно вечером притаскивается кэп домой, но трезвонит в полночь телефон: срочно явиться в порт для перешвартовки судна... Статистика не зарегистрировала долгожителей среди капитанов рыболовного флота.

Последние дни плавания. Даже на камбуз не ворчит моряк: уходит аппетит в эти последние дни, как палуба из-под ног во время доброго шторма. Пользуясь этим, начпрод с бессовестной активностью скармливает команде залежавшийся творог.

Насквозь гуманитарный человек, я ощущаю вдруг непреодолимую тягу к точным математическим наукам. До градуса отмериваю у себя на карте местонахождение «Атласова». Сутки длиной в двадцать три часа, как все-таки велики вы!

— Земля!!!

Берега Шотландии, освещенные утром. Европа!

Ночью из темноты выныривает лоцманский катер. Сбавляем ход. Через четверть часа на мостик жизнерадостно врывается датчанин Фаергеманн. Он шестибалльно смеется, он хлопает рулевого по спине, он опереточно свистит, а это уж откровенное свинство — любому нашему юнге известно, как непозволительно свистеть на борту. Капитан страдает, но улыбается приветливо и светло. Неистощимо его международное терпение.

Исподтишка следим за бравыми руками г-на Фаергеманна: сейчас эти руки извлекут на свет свежие московские газеты. Традиция: все лоцманы мира доставляют на возвращающееся домой судно прессу страны, которой принадлежит корабль. Но ничего не извлекают руки. Походя ведя корабль, говорит мистер Фаергеманн о футболе и автомобильных катастрофах, предлагает комиссару Лукьянчуку, который переводит мне английскую речь, пари на триста долларов, затем бурно уписывает ужин, попутно объясняясь в любви к русскому сыру. Газеты, увы, так и не появляются. Ночь, закрыты были киоски тамошней «Союзпечати»...

Через сутки под предводительством отечественного лоцмана Цветкова втискивается «Остров Атласова» в Калининградский канал.

Небо грозит дождем, и я с удивлением замечаю, что это тревожит бесстрашный экипаж «Атласова» куда сильнее, нежели дюжиннобалльные штормы. Объяснение есть. Там, у проходной рыбного порта, мытарятся, не ведая точного часа прибытия, жены, дети, матери. В порт не пускают их: не менее трех месяцев надо проплавать, чтобы удостоился моряк традиционной встречи у причала,— «Атласов» же и до двух не дотянул... А Калининградский рыбный порт не дотянул до зала ожидания, где встречающим можно было бы спрятаться от дождя.

Город рыбаков Светлый примостился у канала. Вглядываюсь — не построен ли наконец для тружеников моря клуб, который давно уже посулило городу Министерство рыбного хозяйства. Не видать... И тогда я, вспоминая шаг за шагом, милю за милей Атлантику изнутри, думаю вот о чем, читатель.

Крупно увеличится в ближайшие годы добыча рыбы, и мы с вами засучиваем рукава, собираясь есть вкусно и сытно. А вот насколько увеличится в ближайшие годы забота о рыбаках, коих десятки тысяч,— об этом мы знаем скудно...

Но не будем хандрить, читатель! Смотрите — ставится последняя точка нашего с вами долгого плавания. Швартовка к причалу. Пограничники подымаются на борт. Парадной кажется нам их будничная форма. Парадным кажется трап, по которому мы сходим на берег. Впрочем, он ведь так и называется — парадный трап. Не случайно.

Как неподвижна и тверда земля! Я, право, никогда не подозревал об этом. Оборачиваюсь, задираю голову. Три долгих гудка тебе, «Атласов»!

Калининград — Балтийское море — Северное море — Ламанш — Атлантический океан — Саргассово море — Мексиканский залив — далее везде...

Бор. ПРИВАЛОВ

ФУТБОЛЬНЫЕ ЮМОРЕСКИ

Опасное заболевание

— Говорят, ваш левый крайний Кубиков серьезно заболел?

— Точно. Жаль, хороший парень был. А сейчас смотреть на него, поверишь, больно. Так мучается!

— Врачи что говорят?

— Руками разводят — бывает, мол, и хуже.

— А тренер?

— За голову хватается: Кубиков ему весь тренировочный процесс поломал.

— Где же вы, друзья и товарищи, были? Куда общественность смотрела?

— Эх, и не говори! Сами проморгали. Не сумели в зародыше, понимаешь, пресечь. Заметили, да не обратили внимания. Даже в голову никому не пришло, что он, мастер спорта, специально на час раньше утром просыпается и у тренировочной стенки отрабатывает удары с обеих ног! Ну, а когда узнали, то позвали его, конечно, на собрание и по-братски спросили: «Кубик, дорогой, что с тобою? Может, неприятности в семейной или там личной жизни? Поделись, Кубарик, с коллективом — полегчает». А он чуть не плачет, трясется весь. «Братцы,— говорит,— други, сам не знаю, что со мною творится... Таблетки пил, физиотерапию принимал, к врачам ходил — не помогает. Это сильнее меня. Все равно, вот как Мишу (это наш стоппер) тянет к пиву или Гиви (это наша «десятка») к красному сухому вину типа «Одесса». С такой же, примерно неодолимой силой меня тянет к мячу. Ночью и то ноги ходуном ходят — снится, будто бью я по воротам то с правой, то с левой. А как только глаза открою — как под гипнозом — сразу на поле бегу... Сглазил меня кто-то, братцы, не иначе...»

— Да, серьезный случай. Ну, а вы что же?

— Кто ж думал, что это проклятое заболевание такие корни пустит? Сперва смеялись над ним — дескать, не захотел ли ты, Кубик, стать новым Бобровым или в крайнем случае Мюллером?

— Он что отвечал?

— «Почему бы,— говорит,— и не стремиться к этому?»

— Нахамил, значит, родному коллективу. Надо было бы его в дубль перевести, раз такое дело.

— Перевели, конечно. Только не помогло: еще больше стал тренироваться. Веришь: каждый день разбивал вдрызг по новому мячу! Детективные фильмы вся команда смотрит или идет на симфонический концерт, а он с мячиком бегает. Мы на лекцию о художниках-передвижниках, а он зарядку себе какую-то специальную изобрел. Прямо на глазах культурный кругозор у него начал сужаться. Страшное зрелище, врагу не пожелаешь!

— Ну, а удары-то с обеих ног лучше стали?

— Ударчики-то он себе наработал будь здоров! В каждом матче с дублерами — гол, а то и два делал. Больше того — пенальти стал забивать!

— Да ну! Не может быть!

— Честное слово мастера! Через семью пытались влиять — не помогло. Через институт — он на четвертом курсе, Кубарик, числится,— опять же без толку. Шесть месяцев уже так мается, бедолага! Теперь отрабатывает удар издали различными частями головы. Кажется, уже до затылка дошел. Но самое страшное: кое-кто из молодых заразился от него... Мы, конечно, эти симптомчики пресекли со всей строгостью! Самого Кубика же решили по болезни списать из команды мастеров, перевести в клубную. Пока не вылечится.

Элемент неожиданности.

...Вы спрашиваете: как нашей команде удалось в полуфинале Кубка победить знаменитое «Магнето», неоднократного чемпиона, явного фаворита? Теперь можно открыть наш секрет: мы применили в этом матче одну эффектную новинку. Она настолько обескуражила магнетовцев, что они растерялись и почти до финального свистка не смогли, как говорится, найти свою игру. Вы знаете, наша команда играет жестко, в ультрасиловой футбол. Наш девиз: «Ударивший по ноге от ноги и погибнет». Соперники это учитывают и всегда соответствующе настраиваются на встречу с нами.

За неделю до матча с «Магнето» наш тренер сказал:

— Идея есть: ввести магнетовцев в заблуждение, применить элемент неожиданности. Только, чур, не перебивать меня, не охать, не ахать, слушать до конца. Новинка будет не тактическая, не техническая, а психологическая. Мы будем на грубость отвечать... ни-ни, ни боже мой, наоборот — улыбкой. Радушной, обаятельной улыбкой! Ну-ка, все сразу, улыбнитесь! Ой-ой-ой! И это называется обаяние?!

— Что ж это будет?! — взревел наш заслуженный костолом Лева.— Он меня, значит, по копытам, а я улыбайся? Или, может, извиниться еще перед ним: дескать, простите, я вам не ту ножку подставил, не хотите ли ударить по другой?! Так, да?

— Так, именно, так, Левушка! — обрадованно воскликнул тренер.— Вот это и есть творческое развитие моей идеи! Соперник тебе — подсечку, а ты ему предъявляешь голливудскую киноулыбку. На 32 зуба! У нас есть у кого-нибудь целиком 32 зуба?

Нашелся один мальчик в дубле, первый год играет, у него полный рот зубов — заставили его улыбаться, сделали из него учебное пособие.

Целую неделю мы играли тренировочные матчи с дублем, отрабатывали сверхвежливость и улыбки. И в столовой. И в свободное время. Первое время, глядя на наши улыбки, можно было просто умереть от смеха. Представляете: Лева, который на своем счету, не говоря уже о разбитых ногах, имеет по крайней мере еще и сотню сломанных ребер, гроза нападающих, отрабатывает улыбку! Падает на травку и умиротворенно говорит виновнику происшествия: «Голубчик, ты меня прости, если что не так...»

Как вы знаете, расчет нашего тренера оказался точным.

«Магнето» ожидало от нас чего угодно, но не постоянных вежливых улыбок. А когда на третьей минуте Перхушков забил нам гол и мы бросились его поздравлять, обнимать, то магнетовцы решили, что мы по меньшей мере слегка спятили. А чудеса на поле сыпались как из рога изобилия. Когда нам били штрафной, то мы вместо положенных девяти метров добровольно, в одном порыве, отошли на одиннадцать, и судья, который уже изготовился отпихивать нас, только рот открыл. Когда магнетовцы получили право на угловой, то сам Лева взял мячик и отнес его в сектор — дескать, пожалуйста, прошу... В конце концов наши улыбки доконали магнетовцев. Им стало не по себе. Они начали жаться к воротам, сбиваться в кучу. Ну, а мы, конечно, не растерялись — забили им три мяча. И только на последних минутах второго тайма, когда наши улыбки уже здорово слиняли, а Лева, не выдержав, рубанул по ногам их центра нападения, «Магнето» встрепенулось, заиграло в полную силу... Однако было уже поздно.

...Что вы говорите? Почему я раскрываю секрет? Может, это психологическое оружие нам еще пригодится. Я вам так скажу: каждая такая новинка сильна своей неожиданностью. В следующий раз она уже не имеет такого эффекта.

Перед матчем

До начала матча оставался еще час. Тренер вошел в раздевалку и громко сказал:

— Немного внимания. Все приготовились? Тогда начнем нашу традиционную пятиминутку. Мы все действовали в последнее время слишком стандартно. Хотя отлично знаем, что нужно дерзать и искать, искать и дерзать. Итак, наступило время вынуть из карманов домашние заготовки, тактические новинки, свежие варианты... Какие у тебя соображения, Федя?

Федя, лидер защиты, не отличался быстротой реакции.

— Я... думаю... — промямлил он,— может... как в прошлый раз?

— Недаром у нас за месяц не было ни одного выигрыша,— вздохнул тренер.— Я тебе лично, Федор, предлагаю новый принцип — ход конем. Как движется шахматный конь? Верно. Вот так ты и действуй... смотри внимательно... сюда, потом сюда и вот сюда...

— Блеск! — одобрил идею вратарь—ветеран Иван Никанорович.

— Идем дальше,— продолжал тренер и, обратившись к левому полузащитнику, сказал: — Ты, Миша, примени зигзаг. Так: раз-раз-раз и раз... Ясно?

— Блеск! — подтвердил Иван Никанорович.— Такого варианта у нас не было.

Вдохновившись, тренер пальцем на столе каждому из ребят начертил схемы:

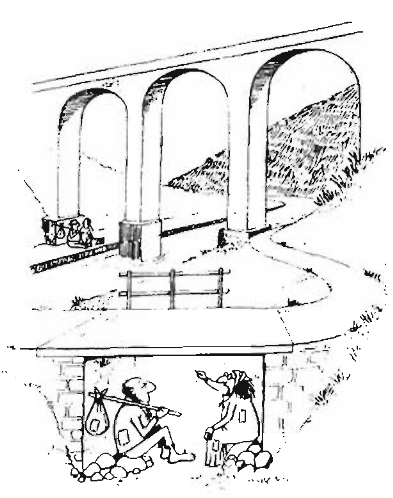
— Главное — чтоб ни одна комбинация не повторялась, ясно? И тогда я могу гарантировать вам — выиграем!

...Через десять минут все карточки СПОРТЛОТО были заполнены, и массажист побежал к ближайшему желтому ящику, чтобы опустить их.

— Теперь ты убедился, что гитара необходима в турпоходе?

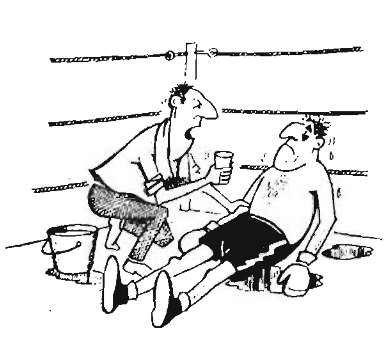
Рисунок В. КАНЕВСКОГО

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Эх ты, чего ты достиг в жизни? Посмотри вон, как устроился сеньор Росси!

«Джорно», Италия.

— Ты делаешь большие успехи: сейчас ты лежал без сознания на две минуты меньше, чем обычно...

«Фигаро», Франция.

— Вы получите прибавку... не получите... получите... не получите...

«Уикэнд», Англия.

Парашютисты выпрыгивают из самолета. В полете один обращается к другому:

— Что делать, Джим? У меня не раскрывается парашют!

— Радуйся, что по крайней мере тебе не придется его складывать на земле!

●

Продавщица цветов говорит своей подруге:

— Да, видно, я сейчас стала уже не такой красивой.

— Почему же?

— Мужчины стали пересчитывать сдачу, которую я им сдаю.

●

Двое пьяных едут в машине.

— Когда мы переедем мост, сворачивай направо.

— Как? Разве не ты ведешь машину?

●

Маленькая Анна-Мария получила за домашнюю работу по арифметике двойку. Придя домой, она утешает свою мать:

— Не волнуйся, мама, в нашем классе сегодня не ты одна получила плохую отметку.

Януш ОСЕНКА (Польша)

ДО ЧЕГО ЖЕ УМНЫ ЭТИ СОБАКИ!

Однажды в поезде я услышал интереснейший разговор о собаках.

— Ах,— сказал один из ехавших в купе,— какими математическими способностями обладал мой пес! Я без него никогда не ходил в ресторан. Он внимательно учитывал все, что я съем, сравнивал цену в меню со счетом и, обнаружив обман, молча впивался зубами в голень вороватого кельнера, не поддаваясь ни на какие уверения вроде «И я человек, всем людям свойственно ошибаться!» Мой пес разжимал клыки только после точно отсчитанной сдачи! Теперь, когда он покинул этот мир, я просто пропадаю: и считаю я хуже, чем он, и зубами вцепиться в бедро официанту не решаюсь...

— Это что,— вздохнул второй попутчик,— однажды я ушел из дома, оставив мою собачку одну. И надо же было, чтобы именно в этот вечер в квартиру забрались воры. Мой песик тихонько вышел через черный ход на лестницу, поцарапался к соседям и от них позвонил по телефону в милицию. Когда я вернулся, воры были арестованы на месте преступления, а мой песик уже давал показания следователю!

— А вот мой пес,— вмешался третий спутник,— великолепно играл на скрипке! Наканифолит, бывало, смычок, встанет посреди ковра да как рванет аккорд! Никто не верил, что он самоучка. Сто раз предлагали ему сольные концерты в филармонии — отказывался. «Гонорар,— говорит,— маловат!»

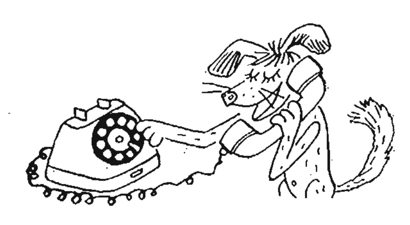
Путники замолкли, покачивая головами и вспоминая своих замечательно умных собак.

Тут у меня появилось желание удивить их. В конце концов и я, как любой четвероногий, имею на то полное право!

— Быть может, вас заинтересует тот факт, что я, например, своему хозяину Янушу Осенке всегда пишу юмористические рассказы... А он только подписывает.

Спутники удивленно воззрились на меня — мое сообщение по сравнению с тем, что могли сказать о собаках они, показалось им неправдоподобным!

— Вот и сегодня еду на литературный вечер. Буду читать юморески,— добавил я, поджал хвост и заснул.

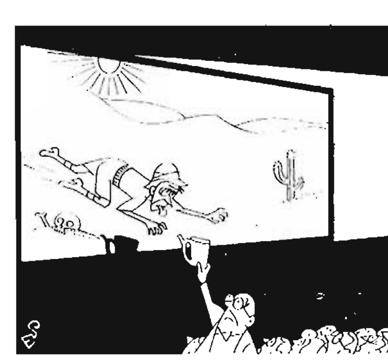

ЛЮДИ, ФИЛЬМЫ, ЖИЗНЬ

Репортаж наших корреспондентов Феликса АНДРЕЕВА и Эужена СЕЙЧЕКА с XVIII международного кинофестиваля в Карловых Варах.

Бытует взгляд, что главное на любом кинофестивале — это фильмы. Мы с известным чешским художником-карикатуристом Эуженом Сейчеком убедились в ошибочности подобного мнения. Главное в любом фестивале, конечно же, выносливость зрителей.

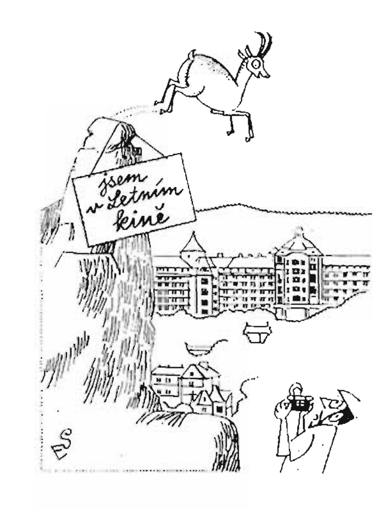
В Карловых Варах проблема поддержания физической формы кинозрителя — не проблема. Как-никак это город-курорт с 12 целительными источниками знаменитой минеральной воды. Поэтому, если кто и страдал во время просмотров, так это герои фильмов, обреченные на муки безжалостными сценаристами. И тогда гуманные зрители передавали изнемогающим киногероям кружечку карлово-варской воды. Во всяком случае, художник Сейчек утверждает, что он это видел своими глазами.

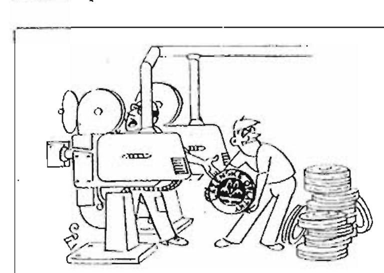
Все фильмы одновременно переводятся на пять языков. А если вам не достались наушники на полупроводниках? Тогда желательно быть врачом. С помощью стетоскопа и спины переднего зрителя вы уловите самые тонкие нюансы переживаний героев любого фильма.

Во время демонстрации в гигантском летнем кинотеатре Карловых Вар фильмов «Взятие Берлина» и «Последний штурм» город заметно пустел. На каждый сеанс туда приходило несколько тысяч зрителей. В один из таких вечеров Эужен Сейчек наблюдал прелюбопытное происшествие на опустевшей площади города-курорта, где на природном утесе высится известная скульптура горного тура. Горный тур на глазах одинокого туриста, не подозревающего о кинопремьере, спешил на фильм. Тур, правда, успел повесить на утес плакатик: «Ушел в летнее кино».

Однако справедливости ради следует отметить, что были и фильмы, не сорвавшие аплодисментов, не вызвавшие восторга ни у зрителей, ни у критики. Мало сочувствия вызвала попытка создателей бельгийской картины «Слово любви» обратиться к «животрепещущим» вопросам группового брака или стремление авторов мексиканского фильма «Ангелы и херувимы» увлечь аудиторию показом жизни малосимпатичного семейства вампиров, высасывающих кровь из молодого аристократа. Только нежеланием смотреть подобные фильмы, по мнению художника Сейчека, можно объяснить поступок помощника киномеханика — он протягивает своему шефу вместо очередной части фильма столь же круглый и тяжелый вафельный торт, выпекаемый исключительно в Карловых Варах.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Лондонский трактирщик обращается к полицейскому:

— Господин инспектор! Этот бездельник требует, чтобы я бесплатно поил его виски. Отведите его в полицию!

— Зачем? У нас тоже не дают виски бесплатно.

●

Пешехода сбила машина, покалечила ему ногу. На суде он потребовал возмещения в пятьдесят тысяч форинтов.

— Вы, очевидно, думаете, что я миллионер! — возмущенно запротестовал владелец машины.

— А вы, наверное, считаете меня сороконожкой! — возразила жертва уличного движения.

●

На полигоне идет стрельба. Командир говорит солдату:

— Послушайте, Сабо, вы самый плохой стрелок в нашем взводе!

— Вы меня недооцениваете, товарищ лейтенант,— во всем полку!

— Не одолжишь мне форинт на трамвай?

— К сожалению, у меня только двадцатка.

— Давай, придется поехать на такси.

●

— Как вам нравится балет?

— Очень! Только я не понимаю, почему девушки танцуют на кончиках пальцев. Не проще ли было бы сразу набирать в балет более высоких девушек?

●

Саша ГИТРИ (Франция)

СЛОВА, СЛОВА...

Есть три вида друзей: друзья, которые к вам относятся очень хорошо, друзья, которые относятся к вам безразлично, и друзья, которые вас терпеть не могут.

Женщины любят молчаливых мужчин, потому что они думают, что те их слушают.

Счастье состоит не в том, чтобы быть счастливым. Счастье — это вспоминать, что ты был счастлив, и надеяться, что еще будешь.

КРОКОДИЛ

№ 25 (2035)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, О. Корнев, Е. Милутка, Л. Самойлов, Ю. Степанов, Ю. Черепанов, Е. Шабельник, Н. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 21/VIII 1972 г. А 00965. Подписано к печати 30/VIII 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Тираж 5 050 000 (5 завод 4 263 301—5 050 000)
заказ № 1395

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

АМЕРИКАНСКИЙ КАТАМАРАН У БЕРЕГОВ ВЬЕТНАМА

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО